

Тюремные люди

(Впервые опубликовано: ["Тюремные люди" № 27 \(212\) от 29 августа 2011 года New Times \(Новое время\)](#))

Коля

Как-то довелось мне провожать на свободу ничем не примечательного молодого человека Николая. Николай сидел по так называемой «народной статье» — за хранение наркотиков. Таких в тюрьмах почти половина.

Было ясно, что он вернется, поскольку за свою недолгую 23-летнюю жизнь успел пять лет провести «за колючкой». Не собирался он отказываться от такой жизни и дальше. Хотя парень откровенно не глупый, но с детства впитавший ощущение своей отверженности, ненужности и привыкший бороться с ним в коллективе таких же отверженных.

Проходит полгода, и я встречаю Колю снова, но уже с жутким шрамом на животе.

— Коля, что случилось?

— Да, опять прихватили с «химкой».

И здесь Коля мнетя, но все же рассказывает историю, которую потом подтвердили те, кто был очевидцем. Прихватив многократно сидевшего человека, оперативники решили списать на него «до кучи» еще какое-нибудь дело. Разговоры такого рода происходят часто и бывают достаточно откровенными: тебе, мол, добавят только два года, мы судью попросим, но ты возьми на себя какой-нибудь грабеж — и получишь свидание или зону на выбор. Обычно речь идет о вырванном из чьих-нибудь рук мобильнике. Коля, не долго думая, согласился. Но на опознание привели пожилую пенсионерку, у которой какой-то подлец выхватил сумочку с двумя тысячами рублей. Бабка, конечно, ничего не запомнила и легко «опознала» того, на кого ей указали оперативники.

И здесь Коля вдруг уперся: «Я никогда старших не задевал, только ровесников. Отнимать последнее у старухи — нет, на это я не подписывался и не буду. Хоть убивайте!» Оперативники обалдели: «Коля, это по закону то же самое. И сумма та же, и срок. Чего ты упираешься? Мы же не можем все переигрывать из-за твоей блажи».

— Нет, — говорит Коля.

И его отправляют в камеру — «подумать», слегка избив «для порядка».

Через короткое время он стучит в дверь, а когда открывается «кормушка» — туда вылетают кишки. Коля «вскрылся», причем по-настоящему. Настоящее харакири. Шрам толщиной в палец и в полживота длиной.

Пока бежали врачи, камера пыталась затолкать выпавшие внутренности обратно...

Спасли его чудом. Теперь он — инвалид, но не жалеет: «Если бы старухину сумку на меня «повесили», я бы так и так помер», — говорит Коля, имея в виду свое самоуважение, без которого жизни себе не мыслит.

Я смотрю на этого многократно судимого человека и с горечью думаю о многих людях на свободе, которые ценят свою честь гораздо дешевле, а отнять пару тысяч у старика или старухи вообще особым грехом не считают. Пусть грабеж и прикрыт умными словами. Им не стыдно.

И я невольно горжусь Колей.

«Вот они»

Как известно, тюрьма — место, где встречаются самые необычные люди. Множество типов и интереснейших человеческих судеб прошло перед глазами за эти годы.

Часто становится буквально жутко от ощущения бездарно растрчиваемых человеческих жизней. Судеб, сломанных своими руками или бездушной Системой. Я попытаюсь рассказать о некоторых людях и ситуациях, несколько изменив детали и имена, с учетом жизненных обстоятельств героев. Однако существо характеров и ситуаций оставляю в том виде, в котором услышал и воспринял сам.

Тюремная судьба свела меня с 30-летним парнем, находящимся под судом по обвинению в сбыте наркотиков.

Сергей — наркоман «со стажем», хотя по нему это трудно заметить. Выглядит чуть моложе своих лет, очень подвижен, образован. Цыган по матери и русский по отцу, что создало очень интересную в культурном смысле ситуацию. Матери пришлось уйти из табора, и она работает врачом-рентгенологом в больнице.

Парень говорит по-цыгански, знает традиции, общается с диаспорой, но сам себя к ней не относит. Употребляет наркотики давно (как большинство молодежи в его поселке), но имея привитую в семье медицинскую культуру и сильную волю, тщательно следит за чистотой «продукта», не забывает правильно питаться и регулярно «перекумаривается», то есть воздерживается от приема несколько недель — снижает требуемую дозу.

Собственно, ко мне в камеру он попросился сам, чтобы очередной раз «перекумариться», поскольку остальная тюрьма этому, по его словам, «не способствует». Несколько дней ему было откровенно тяжело, потом отпустило,

и он рассказал свою историю, похожую на десятки других: употреблял, покупал у одного дилера, милиция потребовала сдать поставщика, он отказался, его подставили, представив сбытчиком. Сейчас ездит в суд, дадут лет 8–12, хотя он ничего не продавал. Меченые деньги подсунули, наркотики вообще неизвестно откуда.

Таких сказок я слышал море. Вежливо покивал, и на этом разговор закончился.

Прошло несколько дней. Неожиданно Сергей приезжает из суда, явно в шоке. Оказывается, приводили свидетеля — того, кто его подставил. Свидетелю 50 лет. Его тоже арестовали по какому-то другому делу и обследовали в тюремной больничке. Обнаружили неизлечимое заболевание. Выйдя на трибуну, человек рассказал свою ситуацию. А потом заявляет — срок, мол, мой такой, что умру я в тюрьме. Умру скоро. Грехов на душе много, и еще один брат не желаю. Расскажу правду, пусть убивают, уже не боюсь. И потом 40 минут о том, как подставлял, как торговал наркотиками по поручению милиционеров, как отдавал им деньги, как убрали конкурентов и клиентов конкурентов. В зале скопилась публика из коридора. Все слушают в мертвой тишине эту жуткую исповедь. А человек показывает пальцем на сидящих там оперов и говорит — «вот они». Те встают и пытаются выйти. Судебный пристав их не пускает, «может, судья вас задержит». Судья останавливает заседание и очищает зал. Через несколько минут в камеру к Сергею заходит его адвокат и говорит — «зовет судья».

— Что ты хочешь?

— Понятно что, свободу.

— Так не бывает, — говорит адвокат и выходит. Возвращается через час.

— Тебе предлагают 6 лет.

— Не пойдет.

Адвокат уходит, возвращается совсем скоро.

— Три года, больше года ты уже отсидел, уйдешь по УДО.

— Согласен.

— Ну что? — спрашиваю я у Сергея.

— Три года, приговор завтра. Может быть, надо было стоять до конца?

— Нет, Сергей, ты принял верное решение. Система по-другому не работает.

«Завтра» были три года и заявление на УДО. Через неделю мы расстались. Он уверял, что вернется на свою работу — рабочего на железной дороге — и завяжет с наркотой. Я пожелал ему удачи.

Такая Система. Такие люди. До Порога. На Пороге. Который всех нас когда-то ждет.

Михаил Ходорковский